

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.1>

Ай Хуэйжун

**ОБЛЕГЧЕНИЕ РОЛИ ХОРА В ПРИТЧЕ А. Н. АРБУЗОВА "СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ
НЕСЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА"**

Статья посвящена анализу облегченного образа хора и его функций в притче "Счастливые дни несчастливого человека", написанной советским драматургом А. Н. Арбузовым в 1967 году. Доказывается, что в пьесе драматург упрощает роль хора, облегчает его присутствие на сцене. Коллектив хора вытесняет хор-трио, фактически "три голоса" из хора, которые теперь нужны драматургу в роли аксиологической, оценочной. Участники хора совмещают функции драматургические, эпическую и лирическую, однако на первый план выходит значение спора хоревтов между собой. Вступая в противоречия, не соглашаясь друг с другом, участники хора обнаруживают различие возможных оценок героя со стороны других героев, автора, зала, общества в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 1. С. 9-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-2

Дата поступления рукописи: 16.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.1>

Статья посвящена анализу облегченного образа хора и его функций в притче «Счастливые дни несчастного человека», написанной советским драматургом А. Н. Арбузовым в 1967 году. Доказывается, что в пьесе драматург упрощает роль хора, облегчает его присутствие на сцене. Коллектив хора вытесняет хор-трио, фактически «три голоса» из хора, которые теперь нужны драматургу в роли аксиологической, оценочной. Участники хора совмещают функции драматургические, эпическую и лирическую, однако на первый план выходит значение спора хоревтов между собой. Вступая в противоречия, не соглашаясь друг с другом, участники хора обнаруживают различие возможных оценок героя со стороны других героев, автора, зала, общества в целом.

Ключевые слова и фразы: А. Н. Арбузов; хор; притча; облегчение роли; аксиология; счастье; неоднозначность оценки.

Ай Хуэйжун

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
ahr.2006@163.com

ОБЛЕГЧЕНИЕ РОЛИ ХОРА В ПРИТЧЕ А. Н. АРБУЗОВА «СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ НЕСЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА»

А. Н. Арбузов занимал одно из самых почетных мест в ряду драматургов 1930-40-х годов, и особенно в 1960-80-е годы. Известность художника выходила далеко за пределы СССР, его пьесы ставились на театральных площадках многих зарубежных стран. В формальном плане Арбузов оказывался в числе тех драматургов-новаторов, которые искали альтернативные способы воплощения драматического конфликта, непривычные средства создания художественного образа / характера, особые пути воплощения доминантной идеи произведения. Прием введения образа хора в текст современной психологической драмы составил одну из наиболее выразительных, своеобразных и самобытных черт творчества советского художника.

Пьеса «Счастливые дни несчастного человека» была написана Арбузовым в 1967 году. В новой пьесе, одной из самых любимых драматургом [7, с. 473], Арбузов снова обратился к хору как к условному приему драматургического письма. Но, в отличие от хора в «Городе на заре» (1940) и «Иркутской истории» (1957), хор в «Счастливых днях несчастного человека» уже не предстал в форме многочисленного коллектива, а ограничивался четко прорисованными образами всего трех хоревтов («первый», «второй», «третий» [1, с. 76]), каждый из которых имел свой схематично, но отчетливо вылепленный характер.

Это, прежде всего, объясняется тем, что жанр драмы Арбузова обозначен как притча («Притча для театра в трех действиях» [Там же, с. 75]).

Как известно, жанр притчи восходит к древности и обычно ведется в повествовательной иносказательной форме. Главная цель притчи – в религиозном или моральном поучении. По мере развития жанра притча получила новый смысл в европейской литературе XX в., являясь «одним из средств выражения морально-философских суждений писателя... Авторская идея притчи не оформляется в систему образов, здесь нет характеров и динамики событий – притча не изображает, а сообщает» [6, с. 295].

Следует напомнить, что в отдельные периоды важной тенденцией развития русской литературы XX века было стремление к философскому обобщению этического, эстетического, социального опыта человечества в плане переоценки ценностей предшествующего общественного развития. В 1960-70-х годах в советской литературе, по словам В. Якименко, важным стало «целенаправленное движение по пути обобщенного, нравственно-философского осмысления действительности, настойчивое возвращение к истокам явления, к “началу начал”» [9, с. 82-83]. Советские писатели уделяли много внимания не только общественно-социальной проблематике, но и вопросам нравственной самооценки личности и общества, морального самопознания индивида и коллектива [4, с. 78]. И, хотя в советском обществе конкретное «я» продолжало существовать в рамках общественных отношений, в русской литературе намечалась тенденция постепенного удаления писателя от коллективного сознания и не форсированный, но настойчивый переход к глубинам отдельной человеческой личности.

Б. С. Бугров справедливо заметил, что драматурги этого периода пытались соединить вопросы морали, личного поведения, нравственного долга с воспитательной функцией искусства. Они стремились усилить интеллектуальное начало пьесы, активизировать роль автора, найти новые возможности для максимального обогащения духовных, нравственных потенциалов в характере человека [2, с. 33]. Жанр притчи давал писателям возможность многообразных и глубинных толкований характера и поведения героя, поэтому обращение к жанру притчи не было случайным и для Арбузова.

Притчеобразная форма повествования диктовала выбор главного героя пьесы – в данном случае им оказывается талантливый ученый, одаренный человек, успешный специалист Юрий Крестовников. Талант является важной особенностью в оценке человеческой значимости героев Арбузова. Критик Н. Туровская писала о них: «Они не всегда поступают правильно, они часто несчастливы и не поняты окружающими, но они непременно обладают яркой индивидуальностью, а зачастую и редким даром, талантом, за который автор может простить им многое» [8]. Драматург полагает, что талант дает человеку возможность проявить себя и свою ответственность перед обществом, это одно из условий существования человека в мире.

Однако в пьесах Арбузова нередко намечается противоречие между талантом и поставленной личностью жизненной целью. Герою неизбежно приходится делать нравственный выбор, чтобы достичь намеченной им цели. Драматургу любопытен тип человека талантливого, ищущего и ошибающегося. Само существование такого типа человека, оценка его поступков вызывают у Арбузова интерес и философские раздумья. Образ Крестовникова и становится для Арбузова тем литературным типом, на примере которого он в притчеобразной форме осмысляет человеческие – жизненные – ошибки и предупреждает о них. Не случайно первый же вопрос, который обращен героем к самому себе, это вопрос: «Правильно ли я прожил свою жизнь?» [1, с. 79]. И уже следующий: «...был ли я счастлив?» [Там же]. Герой (вместе с драматургом) пытается понять: «Счастье? ... что сие обозначает?» [Там же]. И данный вопрос, несомненно, философичен, актуален для жанра притчи.

Исследователь Н. Крымова отметила, что счастье понимается драматургом не только как личное счастье, но и как важный критерий общественного бытия человека, смысл его бытия: «Поиски смысла бытия – бесконечны; в поисках счастья проходит вся жизнь. Художник верит в то, что вне этих поисков жизни нет» [5, с. 33]. Неслучайно она назвала пьесу «Счастливые дни...» одной из лучших у Арбузова.

Заметим, что «вечный» вопрос – вопрос о счастье – эксплицирован уже в названии пьесы «Счастливые дни несчастливого человека», и задает его хор (точнее – третий голос из хора).

Голоса из хора в этой пьесе наделены определенными индивидуализирующими чертами, личностными качествами различных типов людей. Условная форма притчеобразной наррации диктует четкость позиции каждого голоса из хора – (условно) оптимиста, пессимиста и сомневающегося. Голоса хора неизменно находятся в споре, в столкновении, по-разному реагируя на одни и те же события, давая различные оценки одним и тем же поступкам (и мыслям) героя. Медитативная функция хора очевидна, и она вбирает в себя грани не только драматическую, но и лирическую, аксиологическую. Хор, более облегченный по форме, чем в предшествующих пьесах, по сути, берет на себя роль автора-мыслителя (драматургический аспект хора), совокупного (но «противоречивого») героя, позволяющего затронуть философские аспекты обсуждаемых в рамках сценического пространства проблем. Арбузовский хор намеренно будирует читательское (зрительское) восприятие, направляет его ментальные поиски, предлагает различные варианты восприятия происходящих событий. Драматическая форма внутреннего монолога героя, традиционный способ самораскрытия персонажа в драме, дополняется рефлексией разноголосого хора, репрезентирующего различные ракурсы возможной интерпретации изображаемого («плюс», «минус», «плюс / минус»).

Хор арбузовской притчи состоит из разных *типов* характеров. Драматург упрощает (согласно жанру притчи – по сути, схематизирует) типологию людей и воплощает их в трех позитивно и / или негативно настроенных образах.

Первый из хора – это «немолодой человек с открытым, добрым лицом простого крестьянина», «он осмотрителен, небыстр в движениях, у него ровный, ясный, но уже чуть усталый голос» [1, с. 77]. Первый голос принадлежит человеку, доброжелательно настроенному к людям в целом и к герою пьесы в частности. Его задача – понять и простить персонажа, найти позитивное начало в решениях главного героя, оправдать тот или иной поступок Крестовникова.

Второй из хора – «горяч, пылок, у него романтическая внешность, он очень молод» [Там же]. В отличие от первого, он максималист, не принимает оправдательных аргументов, скептичен и (как следствие) не доверяет людям. Старость и умудренность первого противопоставлены молодости и резкости второго. По сути, они герои антиподы, их оценки поведения главного героя принципиально рознятся. Арбузов намеренно – притчеобразно – разводит героев на разные полюса, давая возможность зрителю присоединиться к четко выраженной позиции одного или другого.

Однако «третий из хора» как будто бы объединяет в своей аксиологии наиболее убедительные резоны позитивиста и наиболее сильные аргументы негативиста. Третий охарактеризован Арбузовым как «веселый, мечтательный, часто смущающийся человек». Автор говорит о нем: «Несмотря на некоторый скепсис, он еще ни к чему не потерял интерес» [Там же]. Определение «часто смущающийся» становится характерологическим знаком героя, его смущения и сомнения в той или иной ситуации, его растерянности перед неоднозначными фактами жизни. В нем очевидна доминанта – отказаться от прямолинейности однозначной аксиологии.

В «Счастливых днях несчастливого человека» хор обеспечивают притчеобразность драматической наррации, реплики его трех голосов вносят в текст притчевую («очищенную») условность и (прото)диалектичность, тем самым осуществляя структурно-композиционную (жанрообразующую) функцию.

Голоса хора берут на себя и экспозиционную миссию: в самом начале повествования они излагают препозицию драмы, объясняют мизансцену, комментируют обстановку и представляют персонажа.

«Первый голос из хора. <...> На этой постели лежит человек, дни которого сочтены. Пройдет несколько дней, и его не станет.

Второй голос из хора. <...> Он знает об этом, и смерть его страшит, вероятно.

Третий голос из хора. <...> Не обязательно! А вдруг он догадался, что умереть вовремя не так уж плохо...» [Там же].

С самой первой реплики «голоса» обнаруживают собственную позицию, свое жизненное кредо. Первый противопоставлен второму, третий ищет компромисс. И все вместе они задают философский настрой повествованию, ибо ставят героя в условия конца жизни, порога смерти. Пограничность ситуации усиливает психологические аспекты развития действия, заставляя оценивать описываемые события как с точки зрения прожитой жизни героя, так и его предстоящей скорой смерти. Причем введение хора с их полярной акцентуацией порождает ощущение универсализации событий, их обобщения и типизации. Судьба одного героя становится притчеобразной формой жизни любого думающего человека, героя-интеллектуала (а в каком-то смысле и более широко – *любого* человека).

Оценка роли хора в пьесе «Счастливые дни несчастного человека» вызвала неоднозначные оценки со стороны критики. Так, театральный критик Ю. А. Дмитриев писал, что в этой пьесе Арбузов отошел от своих лучших принципов и изменил себе: «Приговора Крестовникову в ней, по существу, нет. Речь идет именно о художественном приговоре. А без этого пьеса... много теряет» [3, с. 4]. Сходное мнение выразили К. Л. Рудницкий и И. Л. Вишневская, которые полагали, что Арбузов должен был придать хору большую роль и больше общественного смысла.

Однако согласиться с подобным суждением вряд ли возможно – именно неоднозначность позиции хора и придавала пьесе Арбузова глубину и мыслимость. Отсутствие коллективно-общественного смысла компенсировалось погружением в недра человеческого «я», нередко скрытого и трудно постигаемого со стороны. «Всезнание» хора в пьесе было равнозначно «всезнанию» автора: истинное и мнимое, видимое и незримое накладывались друг на друга, порождая стереоскопию восприятия, глубину и емкость постижения пространства человеческой души.

В рассказе о главном герое Крестовникове, о его жизни хор создает полифонию мнений:

«**Первый**. Это был своенравный, гордый и смелый человек. Он отдал себя любимому делу и немалого добился.

Второй (*резко*). Он был негодяй! А жизнь в отместку сделала его неудачником.

Третий (*зрителям*). Слышите, что говорят люди? Нет, я молчу...» [1, с. 77].

Для одного Крестовников – сильный и счастливый человек, для другого – слабый негодяй, третий – сомневается, колеблется в своей оценке. Многоголосие хора активизирует ощущение возможности и достижимости объективного и беспристрастного знания.

Проблема «счастья / несчастья», заданная уже названием пьесы, решается Арбузовым в тексте в различных аспектах. И, как было сказано выше, «пороговая» ситуация «жизнь / смерть» обостряет и интенсифицирует ее понимание. Хор заставляет читателя (зрителя) включиться в спор о счастье, предлагая задуматься о том, в какой мере близкая смерть влияет на самооценку, на искренность и истинность оценивания прожитой человеком жизни.

«**Первый**. О чем мы думаем перед смертью? О том, что не совершили всего, о чем мечтали в юности?.. Так, вероятно. А он? Всю жизнь он искал свободы, а кончил одиночеством» [Там же, с. 78].

В понимание счастья привносится важный для драматурга акцент – свобода, граничащая с одиночеством.

Однако второй – контрастный – голос из хора изменил «полярность» понятия свобода и означил ее как трусость, недоверие к окружающим людям и миру.

«**Второй**. Он никому не верил... и всегда бежал с поля боя. Он просто-напросто был трус» [Там же].

Третий голос выражает сомнение как по отношению к одному суждению, так и к другому. Он предлагает помыслить о человеческом недоверии.

«**Третий** (*задумчиво*). Недоверие... Что ж, об этом стоит поразмышлять» [Там же]. И добавляет: «Это ведь касается и меня» [Там же].

Третий голос из хора предстает неким притчеобразным *alter ego* героя, оказывается персонажем, близким и релевантным центральному герою. Неслучайно третий хоревт, переживающий за судьбу главного героя, обнаруживает себя в отношениях с ним не как комментатор событий, не как источник информации о текущих фактах, но как герой-друг, готовый предупредить центрального персонажа, уберечь его от ошибки.

В ситуации расставания с Настей:

«**Третий** (*с тоской*). Не оставляй ее... Ты меня слышишь?» [Там же, с. 144].

И далее:

«**Третий** (*горько*). <...> Если бы я мог остановить его...» [Там же, с. 147].

Через осмысление образа главного героя автор (и хор) пытается подойти ближе к интерпретации психологических особенностей человеческой личности. Вводные экспозиционные размышления хора ставят героя (и зрителя) перед проблемой нравственного выбора, совершаемого человеком (героем) по любому поводу, едва ли не в каждой жизненной ситуации: будь то дружба, любовь, творчество, долг, ответственность и др.

Очевидно, что хор в данной пьесе нужен Арбузову, чтобы уже исходная расстановка хорических голосов демонстрировала неоднозначность суждения по всяческому «простому» поводу – такова принципиальная, конститутивная установка автора. Арбузов хочет донести до читателя (зрителя) мысль о том, что *все относительно* в мире, что полярные «+» и «-» чрезмерно упрощены и уплощены. В условиях советской драматургии таковой подход Арбузова был новым, по-своему смелым и, несомненно, перспективным. Потому еще раз можно высказать несогласие с мнением советской критики, которая обвиняла драматурга в недостаточной четкости его гражданской позиции: намерение Арбузова сводилось именно к этой неоднозначности, к отказу от дихотомии «хорошо ↔ плохо». Неслучайно уже в самом начале пьесы его герой произносит концептуально значимую фразу: «Не буду лгать...» [Там же, с. 79].

Итак, во внешнем мире Арбузов видит возможность разнополярной оценки характера и поступков героя, несопадающей аксиологии со стороны окружения близкого и дальнего. Разные герои видят Крестовникова разным (что и демонстрирует хор). Однако на этом драматург не останавливается – хор в пьесе порождает перспективу объективной оценки жизни героя не только через взгляд «со стороны», не только посредством внутреннего монолога героя, который традиционно присущ драматургическому действию, но и «сверху», «извне», в трехмерном пространстве. Арбузов порождает иллюзию объективизма осмысления жизни центрального героя. Жизнь Крестовникова демонстрируется драматургом почти «надмирно» (с позиции, которая не совпадает ни с суждением / знанием героя, ни с суждениями / знанием хора, почти автора). Арбузов конструирует стереоскопию видения, не ограничиваясь позицией «за» и «против», но фокусируя взгляд на герое из возможных различных точек и уровней восприятия. Автор совмещает интенции намерения (что хотел герой или герои), интенции видимости происходящего (как видятся события тому или иному герою) и интенции реальности событий (то, каковыми фактами и обстоятельствами оказалась насыщена реальная жизнь).

Например: (1) герой страстно хотел поехать в экспедицию Берга, (2) он думал, что его не возьмут из-за предпочтения Бергом его более талантливого друга Володи, (3) убежденный в своей правоте герой, покинувший Берга и друга, никогда не узнает, что решение начальника экспедиции было изменено и участниками похода должны были стать и Юрий, и Володя. Как демонстрирует хор, обстоятельства развивались совершенно в ином (иных) направлении.

Арбузов моделирует ситуации, в которых совмещается «что было» и «что могло быть», «что видится» и «что стало на самом деле». Причем ни один из героев не знает всей правды до конца (мотив – никто не знает всей правды). Только хор (в совокупности противоречащих друг другу голосов) наделен драматургом функцией (почти) абсолютного всезнания. Но и за хором драматург оставляет некое «сомнение», возможность иной интерпретации и оценки.

Та или иная ситуация воссоздается драматургом таким образом, что понять всю глубину мотивов и результатов того или другого поступка героя практически невозможно. Но хор (голоса из хора) намеренно утрирует восприятие решений и действий Юрия – и тем самым порождает сложную картину жизни (предательства или одержимости, силы или слабости, преданности или великодушия, любви к себе или любви к другим). Драматург показывает, что герой действовал, исходя из *видимой им* диспозиции обстоятельств, но хор позволяет автору скорректировать знание персонажа и показать, что герой мог бы поступить иначе, если бы знал о *реальном* положении вещей.

Образ арбузовского хора позволяет драматургу высказать неоднозначные наблюдения над жизнью (над счастьем / несчастьем), привнести в пьесу тональность философского размышления. Драматургическая функция хора вновь сливается с функцией лирической – философские вопросы хора направляют сюжетику действия и одновременно организуют ее поэтически раздумчивую тональность. Наиболее объективный «голос из хора» – *третий* – озвучивает важнейшую философию Арбузова: «Люди бывают счастливы настолько, насколько это кажется им самим» [Там же]. Относительность знания обо всем оказывается доминантным стержнем пьесы «Счастливые дни несчастного человека». Сакральный вопрос «Что есть истина?» через образ хора включается драматургом в пространство современной пьесы-притчи.

Список источников

1. Арбузов А. Н. Избранное: в 2-х т. М.: Искусство, 1981. Т. 2. 792 с.
2. Бугров Б. С. Проблемы развития русской советской драматургии на современном этапе (60-70-е годы). М.: Изд-во МГУ, 1980. 159 с.
3. Дмитриев Ю. Призраки счастья // Вечерняя Москва. 1969. 12 марта.
4. Журчева О. В. Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века. Самара: СамГПУ, 2001. 183 с.
5. Крымова Н. Театр Арбузова // Арбузов А. Н. Избранное: в 2-х т. М.: Искусство, 1981. Т. 1. С. 6-38.
6. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
7. Телевизионный вечер А. Н. Арбузова в Останкино // Сказки... Сказки... Сказки... Старого Арбата. М.: ИД «Зебра Е», 2004. С. 463-477.
8. Туровская Н. Мой Арбузов [Электронный ресурс]. URL: <http://veremeeva.viperson.ru/articles/moy-arbuzov> (дата обращения: 10.04.2018).
9. Якименко В. Границы и возможности (миф и притча в современной литературе) // Вопросы литературы. 1978. № 11. С. 82-102.

FACILITATION OF CHORUS ROLE IN A. N. ARBUZOV'S PARABLE "THE HAPPY DAYS OF AN UNHAPPY MAN"

Ai Huirong

Far Eastern Federal University, Vladivostok
ahr.2006@163.com

The article is devoted to the analysis of the facilitated image of the chorus and its functions in the parable "The Happy Days of an Unhappy Man", which was written by the Soviet playwright A. N. Arbuzov in 1967. It is proved that in the play the playwright simplifies the role of the chorus, facilitates its presence on the stage. The staff of the chorus displaces the trio-chorus, in fact "three voices" from the chorus that the playwright needs in the axiological, evaluative role. Participants in the chorus combine the dramatic, epic and lyric functions in their role, but the role of the argument between the choreuts is in the forefront. Conflicting, disagreeing with each other, the participants of the trio-chorus disclose the difference in possible evaluations of the character from outside – on behalf of other characters, the author, the audience and in general – the society.

Key words and phrases: A. N. Arbuzov; chorus; parable; facilitation of role; axiology; happiness; ambiguity of evaluation.